

Буза ТАМАУС

**ИЗМЕНА
& КАК БОНУС**

Лиза Гамаус
Измена как бонус
Серия «СНТ "Дельфин"», книга 3

<https://litres.ru/74092959>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне тридцать пять. У меня не было мужика почти два года.

— Слышала, Китаев опять женится? – спросила Ленка Глухарёва, зам главного бухгалтера за столом на юбилее шефа.

— На ком?

— Как на ком? На Алёне Гоголевой из торгового. И года не прошло после смерти Киры.

— Ты что, знала его жену? — удивилась я.

— Конечно. До её болезни.

— А чем она болела? — спросила я про Киру, про которую знала всё.

— Шиза, если коротко.

— Ужас какой! — сочувственно воскликнула я и глотнула из стопки.

Стопка оказалась не моей, а соседа справа, который с удивлением на меня посмотрел.

Содержание

Глава 1. Красная скатерть	4
Глава 2. Плацебо	11
Глава 3. Лифт	16
Глава 4. Гитара	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лиза Гамаус

Измена как бонус

Глава 1. Красная скатерть

Мне тридцать пять. У меня не было мужика почти три года.

Точка отсчёта – это прощальный взгляд на Китаева, когда я увидела его с Гоголевой на юбилее шефа.

— Слышала, Китаев опять женится? – спросила Ленка Глухарёва, зам главного бухгалтера, которую усадили рядом со мной за большим длинным столом, покрытым красной скатертью. Скатерть сразу вызвала у меня отторжение и плохое предчувствие.

— На ком? — спросила я для приличия. Внутри закипала не ревность, нет, — хуже, внутри всё жгло и выворачивало.

— Как на ком? На Алёне Гоголевой из торгового. И года не прошло после смерти Киры.

— Ты что, знала его жену? — удивилась я.

— Конечно. До её болезни.

— А чем она болела? — спросила я про Киру, про которую знала всё.

— Шиза, если коротко. Говорят, что она умерла от пере-

доза, снотворного, в смысле. Гипер тревожность.

— Ужас какой! — сочувственно воскликнула я и глотнула из стопки.

Стопка оказалась не моей, а соседа справа, который с удивлением на меня посмотрел.

— Мне не жалко, - улыбнулся он, но как-то... Можно ещё одну стопку для водки! — попросил он официанта.

— Нет, не надо, — начала я. Мне правда было не надо, я водку вообще не пью. Разве что, когда узнаёшь, что твой любовник женится на другой...

— Миша, — представился сосед, — из Второго аптечного. Завскладами. Поэтому вы меня не знаете.

— Стелла, — кивнула я ему, — специалист по регистрации лекарственных средств.

Ленка покосилась на нашу беседу, но вмешиваться не стала. Миша её в данный момент не интересовал, так как она была на шестом месяце.

— Не пью. Вообще, — добавила я.

— А регистрация лекарств вас не научила, что водка — это просто этанол в воде? Терапевтический индекс узкий, побочных — море. Но в малых дозах...

— В малых дозах снижает тревожность, расширяет сосуды и даёт ложное чувство тепла, — перебила я. — Я знаю. Я сертифицирую всё, вплоть до настоек. Просто мне не нужны сосуды, которые расширяются от неправильного мужчины.

Сказала и тут же пожалела. Слишком откровенно, слишком по-бабьи. Но Миша не смутился.

— А от правильного? — усмехнулся он. У него был хороший смех — низкий, с хрипотцой, будто он редко смеялся, но когда случалось, наслаждался этим по-настоящему.

Я не очень понимала, о чём мы. Чужь какая-то. В голове стучали молотком Ленкины слова о том, что Лёня собирался жениться. Мишин вопрос повис и сменился другим вопросом.

— Вы работаете в «ФармИнвест»? — спросил он.

— Да. Веду регистрацию препаратов, — голова пьянела.

— О! — Миша оживился. — Мы как раз с вами пересекались по документам. По «Анксиолану». Вы проверяли клинические данные по третьей фазе.

— Вы были в группе мониторинга?

— Я был тем, кто отправлял вам накладные на образцы.

Склад №2, партия 47/03.

Я помнила партию 47/03. Помнила, потому что в той партии были нестыковки по срокам годности, и я написала жёсткое письмо на склад

— Это вы мне написали, что температурный режим соблюден, а мы ошиблись в расчётах? — спросила я.

— Я.

— А я вам ответила, что расчёты верные, а вы перепутали даты производства.

— И я перезвонил. Трубку взяла ваша коллега. Сказала,

что вы заняты.

Миша помолчал.

— Я вас запомнил, — сказал он. — По голосу. По тому, как вы ругались в письме.

— Я не ругалась, я указала на системную ошибку.

По какому голосу он меня запомнил в письме? Я была почти в стельку.

— Это и было ругательством. По-вашему. Вежливым. Я потом даже коллегам показывал: «Вот, ребята, смотрите, как надо писать, чтобы тебя боялись».

— А вы боялись?

— Боялся. Два дня думал, что делать с «Анксиолоном». Потом перезвонил, но вы были заняты.

— Я всегда занята.

— Я понял.

Ленка из бухгалтерии что-то рассказывала соседке слева, та смеялась, официанты разносили второе блюдо.

Я смотрела на Мишу — на его руки, которыми он резал мясо, на его пальцы, сильные, без кольца.

Без кольца, но это ничего не значило. На Лёне тоже не было кольца.

— А вы, Стелла, замужем? — спросил Миша.

Я чуть не поперхнулась соком.

— Нет. Я вдова собственного одиночества, если это считается.

— Считается, — серьёзно сказал он, нахмурившись. — Я

тоже.

— Вы вдова?

— Я разведён. И у меня дочь. Семь лет. Живёт с мамой, я вижу её по выходным. В одиночестве нет ничего страшного, если оно осознанное. А если неосознанное — это не одиночество, это ожидание.

— Вы, — сказала я, — опасный человек.

— Почему?

— Потому что говорите правильные вещи. А правильные вещи отвлекают от реальности.

— А какая у вас реальность, Стелла?

Я не ответила. Моя реальность — это предательство, к которому я не подготовилась, и оно долбит меня безжалостно прямо сейчас. Я не смотрела по сторонам. Был ли Лёня в этом зале или не был и уже ушёл, я понятия не имела. Я усиленно вычёркивала его из жизни.

— Давайте потанцуем, — сказал Миша.

— Здесь? — я оглянулась. Из колонок гремела музыка и народ правда танцевал.

— Здесь.

— Я не умею танцевать.

— Всё умеют. Просто некоторые делают вид, что нет. Или наоборот.

Он взял меня за руку. Не спросил. Просто взял тёплой ладонью, сухой и уверенной. И повёл на танцпол.

Мы танцевали. Не в ритм, не красиво, не так, как показы-

вают в кино. Просто стояли близко, и Миша держал меня за талию, и я чувствовала его дыхание у виска, и думала: «Зачем? Зачем ты появился сегодня? Ты же уйдёшь. Все уходят».

От Миши пахло не дорогим парфюмом, а чистой тканью, может, даже стиральным порошком и чем-то детским, почти домашним. И мне хотелось закрыть глаза и провалиться в этот запах, как в тёплую ванну, и не думать.

Мы танцевали целый вечер.

— Миша, — сказала я, — вы будете мне звонить?

— Буду.

— А если я не отвечу?

— Буду звонить ещё.

— А если я скажу «не надо»?

— Скажете?

Я подняла голову и посмотрела на него. В его глазах не было ни игры, ни хитрости. Только вопрос. Чистый, как дистиллированная вода.

— Не знаю, — честно сказала я.

Он поцеловал меня. Легко, в висок. И от этого поцелуя у меня подкосились колени.

А потом вечер закончился. Люди стали расходиться, официанты собирали грязную посуду, и Ленка подошла ко мне, когда я натягивала плащ.

— Стелл, — шепнула Ленка, глядя поверх моего плеча на Мишу, который помогал кому-то из коллег найти ключи от

машины

— Он женат. Ребёнок. Не трать время.

Я замерла.

— Он сказал, что разведён, — мой голос прозвучал так, будто я не верила сама себе.

— Я знаю эту историю. Они на развод подали, но не развелись по факту. Жена его, Катя, сняла заявление в последний момент. У них дочка. Он её любит, не бросает. А ты ему зачем? Ну, красавчик, спортсмен...

Я ничего не сказала.

Надела плащ, взяла сумку и вышла на улицу, где пахло расцветающей зеленью, скоро лето. Я не оглянулась. Я слышала, как Миша окликнул: «Стелла, подождите! Стелла!» — но я не остановилась.

Села в такси и уехала.

Дома выключила телефон. Потом включила, потому что проверяла почту. И увидела три пропущенных с незнакомого номера. И одно сообщение:

«Стелла, это Миша. Я не знаю, что она вам сказала, но это не так. Позвоните мне. Пожалуйста».

Не позвонила.

Расплакалась.

На столе на кухне ещё долго стояла Лёнина чашка с атлантами из Эрмитажа.

Глава 2. Плацебо

Сижу в СНТ «Дельфин» в доме, который мне достался по наследству от деда. Взяла отпуск. В саду полно кустов смородины, яблони, вишни. Настоящая дача. Надо обязательно починить крыльцо, на котором облупилась плитка на ступеньках.

Я здесь ещё никого не знаю, кроме одной грудастой тётки в красной косынке. Она два раза уже приходила, спрашивала, чем помочь, и принесла сметаны и масла с фермы, которая здесь где-то совсем близко.

Лезла с расспросами, но не на ту напала.

Да и что я могу рассказать?

То, что я давно перестала быть желанной, видимой, значимой, что я еле плетусь по пустыне своей жизни?

Обычно Лёня присылал сообщение из трёх слов. «Я скоро буду». Иногда — «Еду. Жди». Никогда — «Скучаю», «Ты мне нужна», «Я тебя люблю». Лёня Китаев не писал таких слов. Он их, кажется, вообще не произносил.

Лёня приезжал по вторникам, четвергам и иногда днём по субботам. Он оставлял свой мерседес за два дома и шёл пешком, даже вечером. Боялся, что вдруг кто-то увидит чего-то там, и это дойдёт до его жены Киры.

Паранойя Киры была невероятно заразна. Она проникла

в него, как вирус с воздушно-капельным механизмом передачи, и теперь он боялся всего: чужого взгляда, незнакомого голоса, человека в форме, мужчины с собакой, женщины с коляской. Каждый мог оказаться похитителем, который увезёт Киру в Дубай, как ту её подругу — Аню, Лену, как там её звали, историю я слушала сто раз, и каждый раз имя жертвы менялось.

Кира боялась всех. Курьеров, почтальонов, сантехников, соседей, прохожих, мужчин в костюмах, мужчин в спортивных штанах, женщин с большими сумками — вдруг там верёвки и хлороформ. Она боялась выйти на улицу, потому что в интернете писали, что девушку украли прямо у подъезда. Она боялась оставаться в квартире одна, потому что дверь можно выбить ногой. Она боялась, когда он уходил на работу, и боялась, когда он возвращался — вдруг за ним следили, вдруг он привёл «их».

Он не прикасался к ней уже четыре года. Сначала — из уважения. Потом — из страха. Её тело стало чужим.

Он не мог заниматься с ней любовью. Он пробовал. Два раза, в первые месяцы её болезни, когда врачи сказали, что близость может помочь. У него не встало. Не потому, что она стала уродливой — нет, Кира всё ещё красивая, если отмыть и причесать. А потому, что в её глазах он видел не женщину, которая его хочет, а надзирателя, который её насилует. Он перестал пробовать. Кира не заметила. Или заметила и обрадовалась.

Лёня познакомился со мной на фармацевтической конференции. Я представляла отчёт по сертификации нового антипсихотика. Он задал вопрос о метаболитах. Я ответила так, как не ответил бы ни один продажник — жёстко, по делу, с цифрами. Он пригласил меня в кафе. Потом ещё раз. Потом я рассказала, что живу одна, что у меня никого, что я не жду принца.

— А чего ты ждёшь? — спросил он.

— Инструкции. Чтобы было понятно, какие побочки и как долго принимать.

Он понял этот язык. Мы говорили на одном языке — языке риска и эффективности, дозировок и противопоказаний. Ему показалось, что он наконец встретил женщину, с которой можно не играть ролей. Но он ошибся. Он просто поменял одну роль на другую.

Дома он — спасатель. У меня — спасённый, который приходил отдохнуть от спасения.

Парадокс в том, что ему был не нужен секс. Ну, то есть нужен, но не только. Ему было нужно, чтобы кто-то смотрел на него не как на опору. Я смотрела как на мужчину, который может прийти и уйти. В этом есть страшная свобода. И страшное унижение: он платил не деньгами, а правом на отсутствие будущего.

Лёня заходил в дом. Он не раздевался. Он садился на диван, который я перетянула испанским гобеленом с какими-то гербами и львами, и смотрел в стену на картину. Сначала

молчание. Минута, две, пять. Я не спрашивала «как дела». Я знала ответ. Дела хуже некуда. Кира сегодня видела в окне курьера, и теперь два дня будет отходить. Кира сегодня сказала, что он, Лёня, — единственный, кому она верит, и если он её предаст, она выпьет всё, что есть в аптечке. В аптечке у них, у фармацевта, всего много.

— Стелл, — вздыхал Лёня. — Ты не представляешь...

Я представляла. Я всё представляла, потому что он рассказывал одно и то же в разных вариациях, как фармацевтическую инструкцию, где действующее вещество одно, а наполнители менялись.

Потом секс. Я не могла назвать это любовью, потому что любовь — это когда двое смотрят в одну сторону. Мы смотрели в разные. Он — на дверь, в любую минуту готовый сорваться, если Кира проснётся от кошмара и наберёт его номер. А я — на стену, где висела современная копия картины Брюллова, на которой была изображена его муза — эксцентричная графиня Юлия Самойлова. Я заказала копию у настоящих художников и ждала три месяца.

После секса Лёня вставал, шёл в душ, возвращался, одевался и садился на тот же диван. Теперь он не молчал. Он говорил о том, как Кира была другой до того случая в Дубае. Какой у неё был смех. Как она танцевала на кухне под старый джаз. Как они хотели детей, но потом болезнь всё съела — сначала желание, потом возможность, потому что гормональные препараты, которыми её лечили первые врачи, дали

такое осложнение, что теперь даже если бы чудо случилось, она бы не выносила.

— Ты не думай, — говорил Лёня. — Я не жду, что она умрёт. Я просто... мне нужно где-то дышать.

Я кивала. Я сертифицирую лекарства, и я знаю: «дышать» — это эвфемизм. Настоящее слово — «использовать». Я была ингалятором, спейсером, небулайзером. Средством доставки действующего вещества. А действующее вещество — его потребность забыть на час, что его настоящая жизнь — это тюрьма в элитном доме на Чистых прудах, с наборным паркетом и запахом микстуры от бессонницы.

Я смотрела на его затылок и думала: «Если Кира умрёт, что станет со мной?»

В тайне я надеялась. Я бы стала не только верной и красивой, как мне казалось, женой, но ещё и хорошо понимавшей его, вплоть до профессии. Китаев владел несколькими аптеками и долями в крупных фарма-компаниях.

Я хотела спросить: «Лёнь, а я для тебя кто?» — но не спрашивала, потому что боялась правды. Боялась признать, что была плацебо.

Лёня уезжал в двенадцать. Я мыла чашку, закрывала за ним дверь и шла спать. Я даже уже не плакала. Слезы — это побочный эффект, который не был заявлен в инструкции к такой жизни.

Глава 3. Лифт

Я думала, что буду плакать, когда увижу его. Или кричать. Или хотя бы смотреть с таким презрением, что он провалится сквозь пол. Но я ничего этого не сделала. Потому что, когда я вышла из кабинета после очередного совещания по "Анксиолану", Лёня стоял у кулера с водой и разговаривал с начальником отдела продаж. С шефом своей невесты, другими словами.

Китаев был в новом костюме. Светло-сером. Дорогом. Я сразу поняла — это Алёна выбрала. Кира никогда не выбирала ему костюмы, она боялась выходить из дома, а он носил одно и то же годами, заказывая в интернете. Теперь он был другим. Свежим. Модным. Счастливым. И от этого мне стало хуже, а энергии на сильное презрение почти не осталось.

— Стелла! — он увидел меня и улыбнулся той самой улыбкой, которой улыбаются старым знакомым, с которыми не хотят иметь ничего общего. — Привет! Давно не виделись. Как ты?

Я замерла. В горле пересохло, сердце забилося, началось смятение, но я взяла себя в руки. Я — специалист по регистрации, я привыкла к стрессам, я переживала и не такое. На самом деле, такого я ещё не переживала.

Улыбнувшись вежливо и дежурно в ответ, как улыбаются

врагу, но соблюдают приличия, я сказала:

— Привет, Лёнь. Всё нормально. Работаю. А ты?

— А я... ну, ты знаешь. Готовимся.

— К свадьбе? — спросила я, и голос мой прозвучал ровно, хотя внутри всё кипело. — Позовёшь? Или мне не приходить?

Получилось естественно. Как будто я и правда совсем сдурела, и мне хочется порадоваться, как мой любовник, которого я вытаскивала из жизненных помоев почти два года, женится на другой, послав меня ко всем чертям без стыда и совести.

Всё же Лёня смутился. Он не ожидал такой прямоты. Он вообще не привык, чтобы я говорила прямо — я всегда была удобной, понимающей, такой, с которой не надо объясняться. А тут — прямой вопрос в лоб.

— Стелл, — сказал он тихо, оглядываясь на начальника отдела продаж, который уже ушёл. — Зачем тебе? Что было, то было. Мы с тобой последнее время еле друг друга выносили. Рутинка стала. Алёна... она другая. Молодая. Ей нужен я. А ты обязательно встретишь ещё кого-нибудь.

Да, мне он точно уже был не нужен в отличие от Алёны.

Я смотрела на него и не верила. Как можно было любить человека, который так легко меняет женщин, как ботинки? Сначала Кира — больная, несчастная, зависимая. Потом я — плацебо, средство доставки, ингалятор. Потом Алёна — молодая, свежая, без прошлого.

— Ты поэтому ушёл? — спросила я. — Потому что я стала рутиной?

— Стелл, ну не начинай, — поморщился он. — Мы взрослые люди. Всё было хорошо, но... это не любовь была. Это была... ну, понимаешь.

— Понимаю, — сказала я. — Я была удобной. Пока ты дышал. А теперь ты нашёл новый кислородный баллон.

Он хотел что-то сказать, но я перебила:

— Не надо. Я всё поняла.

Повисла неловкая пауза. Где-то в конце коридора зазвонил телефон, кто-то засмеялся, зашумела вода в кулере. Лёня смотрел на меня с жалостью. С жалостью, чёрт возьми!

— Стелл, — сказал он. — Ты обязательно встретишь. Ты красивая, умная, у тебя работа...

— Лёнь, — перебила я. — Лифт приехал.

Он обернулся. Двери лифта действительно открылись. Я шагнула в кабину и нажала кнопку первого этажа.

— Стелла! — окликнул он меня, но я уже не слушала.

— Ну ты и проходимец, Китаев, — сказала я, когда двери начали закрываться. — Отольются кошке мышкины слёзы. Так и будет.

Он стоял в коридоре с открытым ртом. И я видела, как его лицо меняется — от удивления до растерянности. Как будто он впервые увидел меня настоящую. Не удобную. Не понимающую. А ту, которая может огрызаться.

Двери закрылись, и я выдохнула. Слёзы текли по щекам.

Я не могла их остановить. Но я знала: я сделала правильно. Я сказала ему всё, что думала. И пусть он женится на своей Алёне. Пусть живёт. Мне всё равно.

Я вышла из офиса, достала платок, вытерла слёзы и пошла к метро.

Я шла еле-еле, даже голову задирала и смотрела на небо, ища помощи у Высших сил. Хреново. Предательство — тяжёлое испытание. За что мне такое, думала я, за то, что была тряпкой, добренькой и понимающей размазнёй, которая забыла про себя и растворилась в этом ничтожестве Китаеве.

И вдруг я увидела Мишу. Его светлые волосы на садящемся солнце казались золотыми. Я даже зажмурилась на секунду.

Он стоял у входа, в руках — букет ромашек. Самых обычных, полевых, которые продают бабушки у перехода. Он смотрел на меня, и его глаза светились — как в тот вечер, когда мы танцевали.

— Стелла, — сказал он. — Я ждал.

Я подошла к нему. Внутри всё дрожало — от слёз, от злости, от неожиданности. А он взял меня за руку, и я почувствовала, как от его тёплой ладони разливается спокойствие.

— Стелла, — повторил он. — Я хочу поговорить с тобой. Пожалуйста, дай мне шанс.

Я посмотрела на него. В его глазах была та же чистота, что и в тот вечер. Я не выдержала, заплакала снова.

— Миша, — сказала я. — Ты не представляешь, что у

меня сейчас внутри.

— Представляю, — тихо сказал он. — Потому что у меня внутри то же самое. Только без злости. С надеждой.

Мы пошли в кафе. Маленькое, уютное, с видом на набережную. Заказали кофе и говорили — обо всём. О моей работе, о его дочке, о разводе, о том, как он искал меня и не мог найти, как я бегала от него. Я чувствовала, как внутри тает лёд.

— Миша, — сказала я. — Покажи паспорт.

Он удивился, но достал. Я взяла его в руки. На развороте стояла печать — женат, ребёнок. Я прочитала дату. Штамп стоял, и это значило, что Ленка была права.

— Ты официально женат, — сказала я.

— Да, — сказал Миша. — Формально. Но мы не живём вместе уже два года. Она сняла заявление о разводе, я подал повторно. Она тянет время, потому что хочет, чтобы я вернулся. Но я не вернусь. Стелла, я не хочу с ней жить.

Я верила ему. Но в голове был Лёня. Он никак не мог выветриться, давил и смеялся надо мной. Он ещё притягивал меня, и этот штамп встал между мной и Мишей, как настоящая преграда.

— Миша, — сказала я. — Я не могу с тобой встречаться, пока ты женат, — я хотела выиграть время и решить, надо мне с ним встречаться или нет. Да, я не хотела спешить. — Это не значит, что я прошу тебя развестись. Это твоё дело. Твоя жизнь. Ты должен сам решить, что тебе нужно. Но я не

буду частью чужой семьи. Даже если она уже распалась, — что тоже было правдой. Киры мне хватило.

Миша молчал. Потом убрал паспорт в карман и сказал:

— Я понял. Стелла, я сделаю всё, чтобы ты поверила мне. Если она не подпишет, я пойду в суд. Я не буду ждать. Это формальность, которую давно пора завершить. Там нечего сохранять. У неё своя жизнь.

Я кивнула.

— Тогда до свидания, Миша, — сказала я. — Приятно было увидеться.

Я встала и ушла, не оглядываясь. Он остался сидеть за столиком.

Мы больше не встречались. Ни на следующий день, ни через неделю, ни через месяц. Я не знала, что он делает. Я знала только одно — он был единственным мужчиной, в которого я хотела влюбиться. По-настоящему, без реферальной группы, без ролей.

И я не знала, вернётся ли он.

Но я знала, что если вернётся — я скажу ему «да». Потому что с Лёней я была плацебо, а с Мишей я хотела быть просто собой.

Глава 4. Гитара

Опять звонок в калитку. Как молотком по голове. И наверняка опять Митюхина в красной косынке хочет спросить, сколько зёрен кофе в ста граммах.

Выглядываю в окно – так и есть. Она. Нажимаю на кнопку, чтобы открыть.

— Стелла, я на минуточку. Сегодня вечером у нас «Огород-фест», приходите на детскую площадку. Угощение, музыка, артисты. Не пропустите. Познакомьтесь с соседями. Многие помнят Петра Ильича, — тараторит Митюхина.

Пётр Ильич – мой дедушка, учёный биохимик. Он жил последние годы жизни на этой даче, а московскую квартиру сдавал. Всё оставил мне. Спасибо ему. Бабушка давно умерла, пятнадцать лет назад.

Я не хочу идти. Честно говоря, я вообще не хочу выходить из дома. Отпуск — это же святое. Можно сидеть в пижаме до обеда, завтракать и смотреть на сад. Там птички, бабочки, цветочки, которые растут сами по себе. Садам я ещё не занималась. На сад нужен специальный настрой. Успокоиться надо сначала.

Митюхина стоит у калитки. Сегодня на ней красная помада. Она симпатичная, только толстовата. Прилично так толстовата.

— Стелла! Я вас жду! Там будут такие пироги! И соседи

все хотят с вами познакомиться!

— Я, наверное, не смогу, — начинаю я. — У меня голова болит.

— А у меня бисквитный пирог! — продолжает она меня зазывать. — С клубникой и сливочным желе. Вы любите клубнику?

Я люблю клубнику. Даже очень. Люблю пироги. И ненавижу любопытных людей. Но пироги перевешивают.

— Хорошо, — сдаюсь я, — Ко скольким?

— Мы обычно выставляем столы с шести. В этот раз вы гостя. До вечера, Стелла!

Она отправляется дальше по маршруту.

К шести натягиваю джинсы с красивым ремнём, футболку, сверху лёгкий кардиган — всё чёрное, на всякий случай. Чёрное — это траур по моей личной жизни, я его ношу уже два года, четыре месяца и одиннадцать дней. С Лёней я носила бежевое. Думала, что бежевое — цвет надежды. Оказалось — цвет плацебо.

На детской площадке всё светится разноцветными лампочками, шумно, смех. Многие с детьми, как и положено на таких «фестах». Стоят складные столики, стулья, кто-то жарит шашлыки, видимо, решив, что пироги хорошо, а пироги с шашлыками лучше. Пахнет дымом, цветами и соседским счастьем.

Сажусь на лавочку в сторонке с пластиковой тарелкой в руке. Ем второй кусок пирога. Этот с абрикосами и орехами.

Вкусно.

Митюхина подсаживается рядом тоже с тарелкой.

— А вы, Стелла, одна живёте? — спрашивает она, уже зная ответ.

— Одна.

— А муж?

— Был. Ушёл.

Я не вру на сто процентов. Да, у меня не было официального мужа, но если бы был, он бы ушёл. Я знаю. Так что технически — правда.

— А дети?

— Нет, — отрезаю я. — Детей не будет.

Митюхина замолкает. Она у меня спрашивает, а я у неё ничего не спрашиваю. Мне плевать на её частную жизнь.

— Это у вас пройдёт, — произносит она. — Главное — не замыкаться. Вот у нас есть Володя, он приехал на лето из Питера. Инженер, очень хороший мужчина, но жена умерла, уже три года. И он тоже замкнулся. Вы бы с ним познакомились.

— Я не ищу знакомств.

— А кто ищет? — Митюхина смеётся. — Я вот после развода. — Напористая какая баба. — Жизнь сама всё подкидывает. Вы только не замыкайтесь, — советует.

Я открываю рот, чтобы наконец сказать что-то колкое и её послать, но в этот момент из-за кустов выходит мужчина. Высокий, с сединой на висках, с закатанными рукавами ру-

башки, и в руках гитара. Не попсовая, не электрическая, а старая, потёртая, как будто он возил её с собой по всем командировкам.

— А вот и Володя! — восклицает Митюхина. — Володя, идите сюда, у нас тут новенькая!

Я хочу провалиться. Прямо в траву, в корни яблони, в подземные воды. Но Володя уже подходит, садится рядом, кладёт гитару на колени и смотрит на меня. У него глаза цвета серого камня. Не цвета серого неба, тумана, моря в дымке, а камня. Однотонно-серые. Мышиные, вот какие. Или мне кажется, и Володя тут ни при чём. Это всё Митюхина лезет не в свои дела. Допрыгается.

— Стелла? — спрашивает он.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Митюхина уже всем рассказала. Мол, учёная, из Москвы, специалист по лекарствам, дом Петра Ильича теперь её.

— Я не учёная, — говорю в ответ. — Я сертифицирую чужие лекарства. — А вы, — инженер? — перевожу я тему.

— Был. Год назад уволился, продал квартиру в Питере и переехал сюда. Мне этот дом тоже по наследству достался. Теперь дышу.

Я откашливаюсь. Слово «дышу» его. Лёнино. Он тоже «дышал». Но Лёня дышал мной. А Володя дышит просто воздухом. Не одно и то же.

— А вы гитару зачем принесли?

— Играть. Не умею, но пытаюсь. С детства мечтал.

— Вам сколько?

— Пятьдесят два.

— Вы не выглядите на пятьдесят два.

Он выглядит почти как Лёня, которому сорок.

Он берёт гитару и начинает играть. Фальшиво, сбиваясь с аккорда на аккорд. Но в этом есть что-то настоящее. Как будто он не старается понравиться, а просто делает то, что хочет.

— У вас пока не особо получается, — говорю я.

— Я знаю. Поэтому играю здесь, где никто не слушает.

— Я слушаю, — хочу добавить, что вынужденно слушаю, но не добавляю.

— Тогда вы — исключение.

С чего это, я исключение?

Мы замолкаем.

Митюхина давно смылась.

— Стелла, — говорит Володя, откладывая гитару. Делает паузу. — У меня есть одна вещь. Она принадлежала вашему деду. Я хочу вам её отдать.

— Что за вещь? — я настораживаюсь. Что ещё они подстроили?

— Пойдёмте ко мне, я вам её отдам. Она того стоит, чтобы мы прямо сейчас за ней пошли.

А чего мне, собственно, бояться? Не съест же он меня. Мы же у всех на виду. Да и придумывать не будет, что за ерунда?

Он встаёт и идёт. Я иду за ним, как дура. Через весь по-

сёлок.

Доходим до его калитки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.